

CZU: 321.7:324(477)

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ В УКРАИНЕ: ОТ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНКЛЮЗИВНОСТИ

Лилия ЯКОВЛЕВА

*Одесский региональный институт государственного управления Национальной академии
государственного управления при Президенте Украины (Украина)*

Автором, с точки зрения современной политической теории, исследуется проблема легитимности власти. Обосновывается, что понимание легитимности власти на постсоветском пространстве часто лимитируется электоральной демократией. То есть, в случае делегитимации власти, негласный пакт украинских элит предполагает обязательное проведение внеочередных выборов для выхода из политического кризиса. Именно электоральная демократия позволяет сохранять сдержанный оптимизм относительно демократического будущего Украины. Однако это условие является необходимым, но явно недостаточным для становления инклюзивной легитимности.

Ключевые слова: легитимность, легитимация власти, постсоветская политика, электоральная демократия, инклюзивность, инклюзивная легитимность, выборы в Верховную Раду Украины, выборы Президента Украины.

LEGITIMACY OF POWER IN UKRAINE: FROM ELECTORAL DEMOCRACY TO POLITICAL INCLUSIVITY

The article reveals the problem of the legitimacy of power from the point of view of modern political theory. It is justified that the understanding of the legitimacy of power in the post-Soviet space is often limited by electoral democracy. That is, in the case of the delegitimization of power, the unofficial pact of Ukrainian elites implies the mandatory holding of early elections to recover from the political crisis. On the one hand, it is an electoral democracy that allows maintaining cautious optimism about the democratic future of Ukraine. On the other hand, the article emphasizes that this condition is necessary but not sufficient for the establishment of inclusive legitimacy.

Keywords: legitimacy, legitimation of power, post-Soviet politics, electoral democracy, inclusiveness, inclusive legitimacy, elections to the Verkhovna Rada of Ukraine, elections of the President of Ukraine.

Введение

Легитимность власти является центральным понятием политической науки и одной из главных характеристик современного демократического общества. Одновременно, легитимность остается неким загадочным феноменом современной политики, в котором причудливо переплетаются рациональное, сакральное и легальное. При этом даже легальность (законность) власти выступает обязательным, но недостаточным условием ее легитимности. Исследования дефиниции легитимности, особенностей ее эволюции в разных странах, а также внешних и внутренних факторов, влияющих на легитимность власти уже более ста лет, представляют собой актуальную тему для теоретиков и практиков модернизации и демократизации в мире «политики без романтики» (по меткому выражению нобелевского лауреата Дж. Бьюкенена) [1].

В полной мере это относится к странам постсоветского пространства, где после распада СССР происходят сложные и болезненные процессы, связанные с поиском «формулы» легитимности. Независимые страны, объединенные общим прошлым (как социальным и экономическим, так и политическим и идеологическим), в процессе преодоления тоталитарного советского наследия сталкиваются с необходимостью поиска оснований легитимности власти. Наиболее очевидным является ответ, который дает электоральная демократия: *легитимной является власть, которую граждане избирают в результате проведения регулярных конкурентных и более-менее честных выборов*. Для Украины, часто оказывающейся в кризисных ситуациях, нормой стало проведение как досрочных парламентских, так и президентских выборов.

Могут ли регулярные демократические выборы стать основой легитимности? Этот вопрос сохраняет сегодня актуальность даже для тех постсоциалистических стран, которые стали членами ЕС. Фактически, приход к власти популистов, националистов и критиков европейского либерального проекта по итогам выборов в центрально- и восточноевропейских странах свидетельствует о кризисе электоральной демократии и необходимости поиска ответа на вызовы делегитимации власти в глобальном масштабе.

В начале XX столетия М. Вебер, высказывание которого является *bon ton* для каждого исследователя легитимности, отмечал: «В повседневной жизни обычай и наряду с ним материальный целерациональный интерес определяют отношения господства... Но обычай или наличие интересов в столь же малой степени, как чисто аффективные или чисто ценностно-рациональные мотивы, могут служить надежным основанием господства. Как правило, к ним добавляется еще один момент – *vera* в легитимность» [2, с. 255]. Как идеолог модерна, обладавший даром находить рациональность во всех социальных отношениях, отец-основатель теории легитимности различал рациональный тип легитимного господства (как подчинение граждан «...легально установленному объективному безличному порядку и определенному на его основе руководителю») и персональное подчинение господину (традиционный тип легитимного господства) или вождю (харизматический тип легитимного господства) [2, с. 255]. Отталкиваясь от веберовской классификации легитимности, в данной статье акцент сделан на политической инклюзивности (то есть перманентной и институционализированной включенности, вовлеченности граждан в политику и управление) как следующем шаге после электоральной демократии, который является необходимым в процессе обеспечения легитимности власти в постсоветской Украине.

Целью исследования является всесторонний политологический анализ электоральной демократии и политической инклюзивности как источников двух комплементарных типов легитимности власти в постсоветской Украине: электоральной легитимности и инклюзивной легитимности. В *задачи статьи* входит анализ современного научного дискурса легитимности, детальное исследование электоральной легитимности власти в Украине, зондирование возможностей политической инклюзивности как фактора обеспечения легитимности власти, путей преодоления делегитимации власти, что дважды, в 2004 и 2013-2014 гг., приводило к публичным протестам – «Оранжевой революции» и «Революции достоинства». Особое внимание сосредоточено на исследовании электоральной активности граждан на президентских выборах в Украине как одного из индикаторов электоральной легитимности.

В качестве *теоретической базы исследования* выступают классические работы Х.Арендт, М.Вебера, Ю.Хабермаса, М.Калдор, Д.Норта, П.Розанвалона, Дж.Роулза, П.Рикера, М.Фуко и др., непосредственно посвященные антиномиям и парадоксам легитимности власти в условиях демократического политического режима. По поводу состояния легитимности власти в постсоветских обществах были использованы теоретические разработки таких авторов, как Е.Быстрицкий, Е. Головаха П. Кутуев, С. Макеев, М. Маяцкий, М. Минаков, И. Попова, Ю. Савельев, А. Эткинд, др.

Эволюция научного понимания легитимности власти в политической науке идет рука об руку со сложными трансформационными процессами на постсоветском пространстве. Современное понимание легитимности состоит в том, что это прежде всего *общественное согласие с действиями институтов власти* (при условии соблюдения ими принципа верховенства права), *а также поддержка большинством граждан индивидуальных или коллективных политических акторов вербально и/или участием в акциях, митингах, деятельности политических и общественных организаций до выборов, в момент выборов и после них.*

Дискуссии и полученные результаты

Исследования легитимности власти, начало которым было положено еще во времена М. Вебера, открывают сегодня новые возможности для понимания политического процесса в постсоветских государствах, определения сущности политического режима в условиях «надежд демократизации» и угроз «демодернизации» (А. Эткинд, М. Минаков). А главное – позволяют выделить закономерности политической интеракции между обществом и властью как в каждой отдельной стране, так и в группе постсоветских стран, объединенных общим прошлым и поиском оптимального пути легитимации власти в настоящем. Последнее становится не просто эзерсисом по эксплуатации воображения исследователя, который находится в «башне из слоновой кости». Делегитимация власти всегда была настоящим «проклятием» для обществ, в которых насилие *уже* не является средством легитимации, а демократические механизмы легитимности власти *еще* только формируются. Наиболее очевидным ответом на проблематизацию легитимности в посттоталитарных обществах является обращение к электоральной демократии.

Вообще, комплекс идей, лежащих в основе электоральной демократии (прямые выборы в органы власти, всеобщее избирательное право, представительская демократия и др.), стали основой легитимности

в демократических государствах и сыграли важную роль на определенном историческом этапе для консолидации демократии.

Проведение избирательных кампаний (особенно досрочных, внеочередных) позволяет власти получить новый кредит доверия, перезагрузить отдельные политические институты и / или избавиться от лидеров, утративших доверие общества. Электоральная легитимность – это прямое следствие очевидного, признанного большинством участников электорального процесса и официально утвержденного результата выборов, который выражается в цифрах поддержки индивидуальных (кандидата) или коллективных (партия, блок) политических акторов. Путем голосования (электорального участия) зыбкое политическое доверие и достаточно эфемерная поддержка граждан преобразуются в конкретный результат – электоральную легитимность власти, полученную демократическим способом. Впрочем, это не отменяет других видов конвенционального участия граждан и рисков последующей делегитимации власти, особенно на постсоветском пространстве. Так, при всех отличиях политической и экономической ситуации, внеплановые президентские выборы (или повторный тур, как в ходе «Оранжевой революции») в Украине понадобились для возвращения легитимности власти в 1994, 2004 и 2014 годах.

Не зря постановка М. Вебером вопроса о сущности легитимного господства и выделение таких его типов, как традиционный, харизматический и рационально-легальный, состоялось именно в период, предшествовавший становлению демократии в Веймарской республике (1918 – 1933). На это обращает внимание профессор Фрибургского университета (Швейцария) М. Маяцкий: «Юный, робкий и хрупкий демократический строй сразу с момента рождения превратился в предмет осмысления и многоплановой критики, как чисто политической, так и культурно-интеллектуальной, и справа и слева... Одни интеллектуалы критиковали республику справа (за развал монархии, например), другие – слева (за сворачивание системы советов, за нерешительность и непоследовательность революционных реформ); одни отвергали демократию в принципе, как идею, другие – осуждали Веймар (как конституцию или как реальный режим) за несоответствие идее демократии. И здесь было, где разгуляться: республика была половинчатой, переходной, вся в родимых пятнах старого режима, с которыми никак не хотела расстаться... Кто виноват в том, что под непосильным грузом проблем и под ударами критики демократия не смогла и – состояться?» [3, с.4].

Политические события в Европе, произошедшие как до, так и после падения «... юной, робкой и хрупкой» демократии Веймарской республики, убедительно демонстрируют, что основанием легитимности может быть вполне сакральная вера в харизматического вождя нации или в пролетариат как наиболее прогрессивный класс.

В период становления демократических институтов отдельного внимания заслуживает и насилие или угроза его применения для получения и/или удержания власти. Если перефразировать известное высказывание Роже Кайуа, то не столько легитимность – основа власти, сколько как раз наоборот, власть – основа легитимности: «Всякая власть сурова и строга: не злоупотреблять ею, когда нужно, означает почти разрушать ее и, во всяком случае, ее без толку тратить» [3, с. 9]. Если принять во внимание различие «власти» и «насилия», на котором акцентирует внимание Х.Арендт, то в исследованиях легитимности власти можно выделить две значительные традиции. Центральным для их разграничения является ответ на вопрос: «... как власть властвует и заставляет себе повиноваться?» [4, с.47]. Представители одной традиции, от Н.Макиавелли и до М.Фуко, настаивают на понимании власти как принуждения и легитимного насилия, которое у них сродни могуществу. Напротив, иная традиция обосновывает, что «... насилие может разрушить власть, но оно абсолютно не способно ее создавать!» [4, с.47].

Конечно, у постсоветских элит время от времени также возникает соблазн обратиться к насилию, или угрозе насилия, как эффективному средству легитимации власти и мобилизации масс. Поэтому целиком и полностью следует согласиться с украинскими исследователями И.Поповой и П.Кутуевым относительно актуальности и важности переосмысления веберовского наследия в условиях постсоветских обществ. Или, как пишет П.Кутуев, – в постленинских политических режимах [5]. По мнению И.Поповой, исследования легитимности не следует ограничивать рамками политической социологии (как социологии отраслевой). Наоборот, проблематику легитимности необходимо включать в общесоциологический контекст. Позиция И.Поповой заключается в том, что фундамент

проблемы легитимности «...следует искать на пересечении основополагающих социологических концепций «социальности», социализации, идеологии и личностной идентификации, ценностных ориентаций и интересов... веберовскую методологию следует использовать и для обоснования необходимости более широкого подхода к изучению легитимности и легитимации в условиях постсоветского реформирования» [6].

Этот подход предполагает обеспечение реализации принципа инклюзивности для рационального типа легитимности, преодоление тех ограничений, которые свойственны правлению класса бюрократии и/или электоральной демократии. А значит, точка зрения И.Поповой относительно социальной обусловленности феномена легитимности коррелирует с призывом к инклюзивности власти и к обеспечению режима «открытого доступа» граждан к публичным институтам и организациям.

Типы легитимности власти напрямую зависят от социальной структуры общества и преобладающих идентификаций, социальных представлений, интересов и ценностных ориентаций. Выстроим следующий ряд исторических типов легитимности. «Во-первых, легитимность, основанная на сакральной власти, то есть власти богов и героев, монархов и харизматичных лидеров. Во-вторых, «рациональная легитимность» (власть бюрократии и экспертов как современных «аристократов»). В-третьих, «демократическая легитимность», то есть неустойчивая легитимность обществ «открытого доступа» (Д.Норт), которые ограничивают насилие благодаря инклюзивности, равенству доступа граждан к экономическим благам и политической власти, беспристрастности и рефлексивности институтов (П.Розанвалон) и близости граждан к центрам принятия решений» [7].

П.Розанвалон фиксирует наступление «новой эры легитимности» [8], а М.Калдор отмечает необходимость «реконструкции» легитимности с целью определения социальной основы легитимной власти [9]. В фокусе теории легитимности должны также находиться проблемы достижения контроля государства над насилием для обеспечения «системы открытого доступа» (Д.Норт) и противопоставление власти и насилия (Х.Арендт).

В рамках такого подхода становится возможным детерминировать пути обеспечения инклюзивности для демократической легитимности. Следует расширять сферу применения принципов рациональности, информированности и участия в принятии решений для большинства граждан и постоянно, а не только для бюрократии, как это предусматривал М.Вебер, или исключительно в момент голосования (электорального выбора), как это свойственно представлениям элит постсоветских государств.

Инклюзивность является одним из главных индикаторов всей эпохи модерна, основополагающей она является и для обеспечения легитимности власти. Следует согласиться с Ю.Савельевым [10] относительно важности инклюзивности для процесса модернизации. Остается применить требование инклюзивности к феномену легитимности. Действительно, «инклюзивное прочтение модерности поднимает целый ряд вопросов перед исследователями и политиками. Предположение заключается в том, что модерность, а также политика модернизации и развития, должны восприниматься с точки зрения инклюзии и роста человеческих возможностей. Каким образом этот подход приспособить к традиционному видению модернизации, которое вращалось вокруг идеи развития централизованной системы власти, активно прибегающей к использованию принуждения? Или и дальше воспринимать модернизацию как процесс трансформации подданных в гомогенных членов национальной общности, которые легко поддаются мобилизации, в том числе и военной. Видение мобилизации как процесса «сверху вниз» уже довольно давно считается устаревшим на Западе и в основном ассоциируется с процессами и институтами демодернизации» [11].

В постсоветских странах оформилось понимание демократической легитимности, в полной мере характерное для демодернизации. Так, императив демократической легитимности относительно обеспечения представительства социальных групп во власти и постоянного политического участия большинства граждан в принятии политических решений и формировании повестки дня был лимитирован постсоветскими элитами исключительно необходимостью обеспечения поддержки на выборах. Фактически, «социальная легитимность» (С.Липсет) репрезентативной демократии была ограничена рамками электоральной легитимности, а проведение выборов представлялось чуть ли не единственным условием демократической легитимности власти.

Фундамент легитимности независимого украинского государства и, соответственно, правящей на тот момент элиты, был заложен 1 декабря 1991 года во время проведения Всеукраинского референдума

в подтверждение Акта провозглашения независимости Украины и первых выборов Президента Украины. На референдуме 90,32 % граждан, которые приняли в нем участие, ответили утвердительно на поставленный вопрос («Поддерживаете ли вы Акт провозглашения независимости Украины?»), а явка составила 84,32 %. В целом, около 32 миллионов граждан приняли участие в референдуме и выборах, а за кандидатуру Л.Кравчука проголосовало более девятнадцати с половиной миллионов избирателей [12].

Именно с этого, без преувеличения, исторического голосования началась борьба за легитимность власти в Украине, которая включала поиск равновесия между элитами, достижение внешнеполитического баланса, нащупывание пути между Сциллой авторитаризма и Харибдой популизма. Одна из главных проблем легитимности власти на постсоветском пространстве обусловлена тем, что ожидания общества от власти (артикулированный в общественном дискурсе публичный интерес) не совпадают с желаниями самой власти. Или, в терминах иной доктрины, а именно – теории публичного выбора: представители власти следуют не общественному интересу, а собственному эгоистическому интересу и, как следствие, после выборов стремительно теряют поддержку граждан, а вместе с ней и легитимность.

Один из основателей теории публичного выбора Дж.Бьюкенен акцентировал внимание на двух уровнях политического обмена. Их он обозначает как (1) «экономическая теория конституции» и (2) «теория политических институтов». «Первая область... может быть названа «экономической теорией конституций»... Историческим предшественником данной теории является теория общественного договора, а ее современное философское обобщение содержится в работе Ролза (1971 г.)... Вторая область... включает «теорию политических институтов», где рассматривается возможный характер их работы в пределах конституционно-правовой структуры. В нее входят теории голосования и правила голосования, теории электорального и межпартийного соревнования и теории бюрократии» [1].

Одна только электоральная демократия не может быть источником легитимности и гарантировать стабильность политического порядка. Кризисы легитимности, сопровождающие деятельность институтов власти в Украине, приводя к досрочным парламентским выборам (1994, 2007, 2014 гг.), президентским выборам (1994, 2014 гг.), а также с определенной периодичностью создавая революционные ситуации (2004 г., 2013-2014 гг.) и даже беспрецедентное переголосование второго тура президентской кампании в 2004 году, являются ярким тому примером и подтверждением.

Убеждение, что электоральная демократия способна обеспечить легитимность власти, представляет собой, по мнению Дж.Бьюкенена, «...логическую ошибку политической мысли XIX и XX веков, которая содержалась в предположении, что требования избирателей сами по себе являются достаточной мерой для осуществления контроля над левиафановскими наклонностями правительства и что пока существуют конституционные гарантии свободных периодических выборов, можно будет контролировать диапазон и интенсивность правительственной деятельности» [1]. Наоборот, реализация требований политической инклюзивности (которые Дж. Бьюкенен называет «...возвратом к представлениям XVIII в.» [1]) предусматривает четкие конституционные ограничения действий правительств, депутатов и президентов не только в политике, но и в экономике, культуре и других социальных пространствах.

Идея об интеракции политических акторов на двух уровнях (конституционном и институциональном), взаимно дополняющих друг друга, в полной мере относится к обеспечению легитимности власти. Политическая инклюзивность должна быть гарантирована как на уровне политического порядка (конституционного соглашения, «общественного договора»), так и на уровне электорального процесса. Первый уровень – это легитимность политического порядка, состоящая в признании гражданами легитимности существующего режима, его соответствия их представлениям о справедливости, эффективности, заботе об общем благе и т.д. Второй уровень легитимности власти состоит в поддержке гражданами на выборах отдельных политических лидеров и институтов; именно он обеспечивается в рамках электоральной демократии.

В Украине самые масштабные кризисы легитимности власти случились в 2004 и в 2013-2014 годах. Они связаны с событиями, получившими названия «Оранжевой революции» и «Революции достоинства» соответственно. Конечно, нельзя не упомянуть и кризис легитимности власти, связанный с распадом СССР в 1991 году. Не углубляясь в анализ причин этих кризисов, в исследование внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов, повлиявших на ход событий и

их результат, отметим одну, крайне важную для понимания легитимности власти закономерность. Независимо от причин кризисов легитимности, персонального состава политических акторов и внешнеполитического контекста, украинские политические элиты всегда выбирали путь проведения электоральных кампаний для преодоления делегитимации власти. Это относится и к парламентским кампаниям, и, учитывая особенности конституционного строя, в еще большей степени к выборам Президента Украины. С точки зрения легитимности власти, досрочные выборы в Верховную Раду Украины решали задачу преодоления делегитимации отдельных политических сил и институтов (прежде всего – партий и парламента). Наоборот, апелляция в условиях политического кризиса к выборам Президента Украины – это ответ на делегитимацию всего политического строя, политического режима. Этот уровень требует конституционных изменений. Не случайно распад существовавшего более 70 лет советского политического и социально-экономического порядка в результате перестройки М.Горбачева случился на пике «новоогаревского процесса»: обсуждения новой Конституции СССР и Союзного договора. На тот момент электоральная легитимность Союза представлялась его руководителям уже подтвержденной. Ведь Всесоюзный референдум, несмотря на сложности, М. Горбачев все-таки провел 17 марта 1991 года, а вот конституционный процесс завершить не успел. Электоральной поддержки для обеспечения легитимности власти союзного центра оказалось недостаточно. Вот и в Украине после референдума и президентских выборов 1991 года остро стал вопрос о принятии Конституции. Это удалось сделать только в 1996 году, пройдя еще один политический кризис и проведение досрочных выборов Президента Украины в 1994 году. Принятие Конституции Украины стало одним из факторов переизбрания Л.Кучмы на второй срок и обеспечило легитимность его власти (вопреки медиаскандалам, внешнему давлению и протестным акциям) вплоть до выборов Президента Украины в 2004 году. Изменения, внесенные в Конституцию, также стали одним из условий «пакта элит» относительно проведения повторного голосования второго тура в 2004 году. А после кризиса 2013-2014 годов конституционный реверс В.Януковича был отменен и украинский политический класс вновь вернулся к парламентско-президентской модели 2005 года.

Итак, в условиях кризиса легитимности политическая инклюзивность дополняла электоральную демократию, становясь подспорьем конституционных изменений. Так, в 1991 году это нашло свое выражение в одновременном проведении референдума и выборов Президента Украины, в 2004 году – в повторном голосовании второго тура, а в 2014 году – в проведении внеочередных выборов. Таким образом, легитимность власти в Украине могла быть обеспечена (пусть и временно, примерно на десятилетие в каждом случае) исключительно сочетанием взаимодействия власти и общества на двух уровнях – конституционном и институциональном.

Если же сравнить только уровень поддержки на выборах Президента Украины в 1991 году и в 2014 году, то он выражается в следующих цифрах. На выборах Президента Украины в 1994 году общее количество избирателей составило 37 885 976 млн. человек, а в 2014 году – 29 625 843 млн. человек. Из них приняли участие в выборах в 1991 году – 31 892 415, а в 2014 году – 18 019 504 граждан. И если за первого Президента Украины Л.Кравчука проголосовало более девятнадцати миллионов человек (19 643 481 голосов), то кандидатуру П.Порошенко поддержали менее десяти миллионов человек (9 857 308), что, впрочем, также обеспечило ему победу в первом туре [13]. Очевидно, что на эти цифры повлияло снижение общего количества избирателей вследствие аннексии Крыма, конфликта на востоке Украины, увеличения миграционных потоков и отрицательного естественного прироста населения. Между тем два последних фактора являются также следствием действий власти и напрямую влияют на уровень ее легитимности.

В чем же состоит основа легитимности власти в Украине? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к феномену инклюзивной легитимности. Во-первых, произошла делегитимация предыдущего режима и власти В.Януковича в ходе «Революции достоинства». Во-вторых, проведение в один год президентских и парламентских выборов значительно способствовало обеспечению поддержки гражданами новых акторов. В-третьих, легитимация политического порядка, установленного после массовых протестов, была закреплена на конституционном уровне путем возвращения к парламентско-президентской республике. Таким образом, политическая инклюзивность, проявившаяся в полной мере «Революцией достоинства», была поддержана как в плоскости электоральной демократии, так и на уровне конституционных изменений.

В условиях глобализации и развития информационных технологий кардинально возрастает значение внешних источников легитимности власти. Украина стала полем поиска и апробации относительно новых для постсоветского пространства технологий легитимации/делегитимации власти – от цветных революций и усиления внешнеполитических факторов легитимации политического режима до военной агрессии и целенаправленных информационных кампаний (с конструированием медиаскандалов) с целью делегитимации политического режима. И если речь идет исключительно об электоральной демократии, то есть прямая опасность фрагментации легитимности. Вот что пишет по этому поводу украинская пресса: «Проблемы в случае Украины возникают как раз из-за несоответствия частичных картин мира, создаваемых отдельными политическими силами, общей картине мира, которая должна быть результатом деятельности всей политической системы... частичные образы действительности многих украинских политических сил настолько противоречат друг другу, что не в состоянии обеспечить существование целостного общеполитического образа... Следовательно, легитимность как связь граждан и власти становится проблематичной. Это приводит к тому, что легитимность становится «фрагментированной», привязанной к конкретной политической силе, но не к системе в целом» [14]. Инклюзивная легитимность, которая предполагает электоральную поддержку и конституционные изменения, способна обеспечить не только харизматическую легитимность вождя или лидера, но и легитимность политического порядка в переходных обществах. Открытым остается вопрос относительно массовости политического участия, то есть зависит ли легитимность власти напрямую от количественных показателей поддержки? Это относится настолько же к электоральному уровню, насколько к конституционному. Ведь сегодня в Украине не существует законодательных требований к порогу явки на выборах, а для конституционных соглашений оказывается достаточно «пакта элит». Однако это вполне коррелирует с теорией открытого доступа Д.Норта в части исследования логики переходов от естественного государства к порядку открытого доступа. Общий интерес должен возникнуть сначала у элит, а потом распространиться на все общество. «В хрупком естественном государстве независимо от дифференциации юридических лиц по категориям законы будут исполняться так, чтобы удовлетворять непосредственно нужды господствующей коалиции. Хрупкое естественное государство вряд ли будет иметь беспристрастное исполнение законов... По мере появления и развития в базисных естественных государствах более прочной институциональной структуры государства они, вероятно, создадут пути правового развития, которые в большей или меньшей степени дифференцируют категории юридических лиц» [15, с. 273].

Инклюзивная легитимность предполагает наличие политических свобод, прежде всего – свободы выбора. При этом следует согласиться с Ю.Савельевым: «Настоящая модернизация, направленная на наделение человека большей степенью свободы – то есть возрастание роли человеческого выбора (как индивидуального, так и коллективного), сопровождается, на фоне повышения качества жизни, одновременным увеличением для современного человека «бремени» выбора и ответственности за него» [10].

Это относится не только к электоральной демократии как выбору между кандидатами или партиями. Политическая инклюзивность предполагает готовность граждан делать выбор в конституционной плоскости: например, между президентской и парламентской формами правления, а также их модификациями.

Выводы

В условиях постсоветского общества, как общества переходного типа, электоральная демократия является необходимым, однако не вполне достаточным условием легитимности власти. Для обеспечения политического и экономического развития, основанного на доверии между обществом и властью, требуется иной тип легитимности. Речь идет об инклюзивной легитимности.

Инклюзивная легитимность, как расширение пространства возможностей индивидуального политического выбора, предполагает наличие индивидуальных ресурсов, обеспечивающих тот или иной выбор и ценности, которые определяют выбор. А главное – конституционных условий и политических и правовых институтов, которые гарантируют выбор. В рамках такого подхода становится возможным детерминировать пути обеспечения инклюзивности для демократической легитимности. Следует расширять сферу применения принципов рациональности, информированности и участия в принятии решений для большинства граждан постоянно, а не только для бюрократии, как

это предусматривал М.Вебер, или исключительно в момент голосования (электорального выбора), как это свойственно представлениям элит постсоветских государств.

Особую значимость дальнейшие исследования политической инклюзивности приобретают как для постсоветских режимов, так и для наднациональных политических конструкций.

Литература:

1. БЬЮКЕНЕН, ДЖ. М. Политика без романтики: краткое изложение позитивной теории общественного выбора и ее нормативных условий. В: *Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор.* / Под общ. ред. А.П.Заостровцева. СПб.: Экономическая школа, 2004, т.4, с.4. http://www.seinstitute.ru/Files/veh4-3-13_Buchanen_ryu417-434.pdf
2. ВЕБЕР, М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Социология* / Пер. с нем., под общ. редакцией Л.Г. Ионина. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Том I. *Социология.* 445 с.
3. МАЯЦКИЙ, М. Демократия как судьба. В: *Логос: журнал по философии и прагматике культуры.* Москва: Дом интеллектуальной книги, 2004, № 2 (42), с. 3-14.
4. РИКЕР, П. *Герменевтика, этика, политика: московские лекции и интервью.* Москва: Изд. центр «Академия», 1995. 160 с.
5. КУТУЄВ, П.В. *Трансформації модерну: інституції, ідеї, ідеології* : Монографія. Херсон: Видавничий дім «Гельветика», 2016. 516 с. ISBN 978-966-916-310-3
6. ПОПОВА, И. Социологический подход к исследованию легитимности и легитимации. К постановке проблемы. В: *Социология: теория, методы, маркетинг.* Киев: Институт социологии Украины, 2000, №3, с.21-41. <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/89712/02Popova.pdf?sequence=1>
7. YAKOVLEVA, L. Democratic legitimacy: ideological sources and political alternatives. In: *Visnyk of the Lviv University. Series Philos.-Political Studies*, 2018. Issue 16, p.232-238.
8. ROSANUALLON, P. *Democratic Legitimacy: Impartiality, Reflexivity* / Translated by Arthur Goldhammer. Princeton: Princeton University Press, 2011. 248 p.
9. КАЛДОР, М. *Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху.* Москва: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
10. SAVELYEV, Y. Antinomies of late modernity: Eastern Europe in Peril of Demodernization. In: *Ideology and politics: Foundation for Good Politics*, 2018, № 1(9), p.14-63. ORCID: 0000-0003-2023-4472 ISSN 2227-606 <https://ideopol.org/wp-content/uploads/2018/11/2018%201.%203.%20ENG.%20Saveliev.%20Demodernization.pdf>
11. KUTUEV, P., CHOLIY, S. Mobilization in post-socialist spaces: between imperatives of modernization and threats of demodernization. In: *Ideology and politics: Foundation for Good Politics*, 2018. № 2(10). ISSN 2227-6068. <https://ideopol.org/wp-content/uploads/2019/01/2.%201.%20ENG.%20Intro.pdf>
12. КОРЖ, І. Вибори в незалежній Україні. В: *Вісник Центральної виборчої комісії*, 2012, №3 (24), с.74-77. http://www.cvk.gov.ua/visnyk/pdf/2012_3/visnik_st_18.pdf
13. *Внеочередные выборы Президента Украины 25 мая 2014 года. Протокол Центральной избирательной комиссии.* Central Election Commission: Official website. Президентские выборы 2014 года. http://www.cvk.gov.ua/info/protokol_cvk_25052014.pdf
14. СИДОРЧУК, А. Легитимность власти в Украине: две тенденции современности. В: *Зеркало недели*, 2008, №41. 31 октября - 8 ноября. https://zn.ua/SOCIETY/legitimnost_vlasti_v_ukraine_dve_tendentsii_sovremennosti.html
15. НОРТ, Д., УОЛЛИС, Д., ВАЙНГАСТ, Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества.* Москва: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.

Сведения об авторе:

Лилия ЯКОВЛЕВА, кандидат политических наук, доцент, докторант кафедры региональной политики и публичного администрирования Одесского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины (Украина)

E-mail: yakovlevalilia2016@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0942-485X

Prezentat la 27.02.2019